

ВЪ ДОЛИНАХЪ РѢКЪ ХИНГОУ И АРЗЫНГА.

Путевые очерки по Восточной Бухарѣ.

Глава I.

Вахшъ и кишлакъ Каудаль.

В глубокъ и бурень быстрый Вахшъ; извиваясь среди своего каменистаго ложа, прорѣзаннаго въ толщѣ скаль, онъ съ шумомъ несетъ свои воды, омывая подножье скалистаго берега, на которомъ расположенъ городъ Гармъ, столица Каратегинскаго бекства.

Тѣсно сдвинулись вокругъ небольшой долины высокія горы, сплошною цѣпью охвативъ ее со всѣхъ сторонъ. Одна другой выше поднимаются ихъ вершины, изъ-за которыхъ виднѣется снѣговой пикъ-Каудаль, привлекшій невольно наше вниманіе своею своеобразною формою.

Каждое утро, когда я вставалъ и любовался при лучахъ восходящаго солнца окрестностями, меня какъ будто манила эта огромная гора.

— Надо непременно побывать поближе къ Каудалю и рассмотреть его хорошенько, рѣшилъ, наконецъ, я, будучи не въ силахъ

преодолѣть своей любознательности. Но только необходимо освободиться отъ десятка провожающихъ, которыхъ намъ навяжетъ бекъ, если узнаетъ о нашемъ намѣреніи. Завтра мы простимся и выѣдемъ обратно; значить, насъ проводить до подножья Кимчиракскаго перевала, а тамъ уже мы будемъ свободны и поѣдемъ лишь со своимъ джигитомъ.

Докторъ, занявшійся отъ нечего дѣлать практикою, одобрилъ мой проектъ.

На другой день, простившись съ бекомъ въ Гармѣ, а съ провожавшими у подножья перевала, мы двинулись уже одни.

Свернувъ съ дороги, мы взяли съ перевала направленіе на пикъ-Каудаль, выдѣлявшійся вдали своими снѣговыми вершинами изъ всей группы горъ.

Гдѣ-то далеко внизу съ шумомъ и ревомъ неслась въ узкой тѣснинѣ рѣка и, перекатившись черезъ каменную гряду, стремительно падала съ большой высоты, разбрасывая вокругъ брызги. Ключья бѣлой пѣны, будто снѣгъ, покрывали берега ниже водопада. Порою слышались въ ущельѣ глухіе раскаты, производимые шумомъ падающихъ съ вершины камней, сталкивавшихся съ другими камнями. Въ ущельѣ пахло сыростью и было холодно, какъ въ погребѣ. Пронзительный вѣтеръ врывался откуда-то сверху и съ дикими завываніями проносился по ущелью, производя вмѣстѣ съ шумомъ водопада сочетаніе какихъ-то невозможно громкихъ звуковъ, среди которыхъ разговоръ совершенно не былъ слышенъ.

Осторожно переводя лошадей въ поводу, мы медленно перешли на противоположный берегъ по узкому изъ двухъ положенныхъ рядомъ бревенъ мостику безъ перилъ. Внизу подъ ногами темнѣла бездна съ ревающимъ потокомъ. Одинъ только неосторожный шагъ и смерть была бы неизбежной; поэтому съ невольнымъ вздохомъ облегченія каждый сошелъ съ моста на твердую землю.

Мѣстами изъ расщелинъ скалъ спускались какія-то ползучія растенія, а на площадкахъ виднѣлись довольно значительныя заросли боярышника. Съ высоты открывался уже весь громадный по своей величинѣ хребетъ Петра Великаго, бѣлѣвшій своими огромными снѣговыми массивами.

Проходя во многихъ мѣстахъ пѣшкомъ по головоломнымъ тропамъ, спускаясь порою въ темныя ущелья, мы съ большимъ трудомъ подвигались впередъ. Издали виднѣлось направленіе хребта,

окужавшаго бурный Вахшъ, и открылись заросли въ Гармской долинь.

Спускъ къ кишлаку Каудаль былъ еще труднѣ подъема. Упираясь и почти сползая на всѣхъ четырехъ ногахъ, спускались наши лошади по страшно крутой тропинкѣ, проложенной по скалистымъ склонамъ хребта. Все время передъ глазами были бездны, но усталость взяла свое, острое ощущение притупилось, и мы довольно хладнокровно всматривались въ открывавшуюся передъ нами картину спуска, на которомъ каждый шагъ лошади представлялъ опасность полетѣть куда-то безконечно далеко внизъ, гдѣ въ глубинѣ долины виднѣлись постройки кишлака. Разстояніе сильно вводило въ заблужденіе. Увидѣвъ кишлакъ Каудаль въ полдень, мы едва къ закату добрались до послѣднихъ къ нему спусковъ.

Солнечный закатъ въ горахъ былъ поразительно красивъ. Снова разноцвѣтными огнями засіяли снѣговья вершины, освѣщенные послѣдними лучами заходившаго солнца. Будто въ калейдоскопѣ стали быстро мѣняться цвѣта и оттѣнки, а затѣмъ разомъ темнота густымъ покровомъ закрыла вершины и сѣрою пеленою поползла внизъ, закрывая сумракомъ ниже лежавшія долины. Черезъ двѣ—три минуты темнота сгустилась настолько, что нельзя было ничего различить на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ. Не желая рисковать, мы слѣзли съ лошадей и осторожно шагъ за шагомъ стали спускаться за нукеромъ, продолжавшимъ спокойно и увѣренно съѣзжать внизъ на своей крѣпконогой небольшой лошади.

Какъ бы давая возможность полюбоваться видами горъ при всевозможныхъ освѣщеніяхъ, выступили на небѣ мириады звѣздъ, а затѣмъ, освѣтивъ всѣ окрестности серебристымъ свѣтомъ, показался серпъ молодого мѣсяца. Горы снова ожили и снѣговья хребты заблѣли еще сильнѣе, рельефно выступая изъ темной амки долинъ и ущелій, остававшихся въ тѣни. Звѣзды какъ будто висѣли въ темной синевѣ неба, поражая своею колоссальною величиною. Мѣсяць медленно плылъ по безконечности, заглядывая въ глубокія ущелья и, освѣтивъ часть ихъ, бросалъ свои серебристые лучи дальше, какъ будто лаская эти громады дикихъ и угрюмыхъ горъ, во многихъ мѣстахъ которыхъ еще ни разу не ступала нога человѣка.

Почти садясь на зады, спускались съ огромными трудностями наши лошади.

Усталые, едва переступая, мы, наконецъ, добрались до ночлега и, поставивъ лошадей на приколы, около стѣны во дворикѣ небольшой мечети, сейчасъ же легли спать, закутавшись въ теплыя одѣяла и покрывшись бурками.

Ночь была свѣжа и подъ утро холодъ сталъ сильно безпокоить, дѣлая сонъ тревожнымъ.

Глава II.

Рѣка Каудаль.—Легенды о подземномъ царствѣ.—Перевалъ Люли-Харви.

Долина, въ которую мы спустились, имѣла видъ довольно широкой равнины, покрытой обработанными полями, среди которыхъ извивалась горная рѣка Каудаль, берущая свое начало въ ледникахъ Каудаль и несущая оттуда свои мутныя шоколаднаго цвѣта волны. Берега рѣки, протекающей нѣсколькими рукавами, покрыты галькою.

Съ шумомъ перекатывалась черезъ гряды камней рѣка и, наполнившись послѣ бывшихъ дождей, ревѣла, какъ бѣшеная. Ключья бѣлой пѣны неслись по теченію, образуя мѣстами цѣлые клубки.

Небольшой кишлакъ, пріютившійся на склонѣ горы надъ рѣкою, былъ немногочисленъ—нѣсколько мазанокъ прижались другъ къ другу, соединяясь загонами для скота.

Набравшись новыхъ силъ, мы съ утра двинулись вверхъ по рѣкѣ, держась по правому ея берегу.

Тропинки извивались по склонамъ горъ, мѣстами проходя надъ обрывами и суживаясь до ширины полуаршина. Размякшая отъ дождя ярко-красная глина была вязка и кони скользили по ней, оступаясь порою и заставляя насъ иногда испытывать крайне рискованныя положенія.

Наконецъ, передъ нами открылся во всей красѣ колоссальный снѣговой хребетъ Петра Великаго, вершины котораго поднимались до высоты 18—20 т. футовъ. Снѣговая вершина Каудаль, въ видѣ остроконечнаго пика, виднѣлась на авансценѣ, а далѣе, уходя на востокъ, виднѣлась полярная страна недоступныхъ высочайшихъ горъ, соединяющихся съ гималайскими.

Мы находились въ горной странѣ, которая по своему виду и жизни населенія такъ мало походила на равнины, что казалась какимъ-то совершенно инымъ міромъ.

— Неправда ли, здѣсь только и могли создаться всѣ сказки о гномахъ и подземномъ царствѣ? Слишкомъ самый видъ горъ фантастиченъ и чудесенъ, заговорилъ докторъ, обращаясь ко мнѣ.

Но я не успѣлъ еще отвѣтить, какъ уже Ахметъ, услышавъ слова чуда и подземное царство, быстро заговорилъ:

— Это правда, тюра, старики рассказываютъ, что въ горахъ есть мѣста, гдѣ находится входъ въ подземное царство, въ которомъ живутъ дивы ¹⁾ добрыя и злыя, исполняя приказанія своей царицы Умму-Сабьянъ, имѣющей видъ страшнаго чудовища, созданнаго Аллахомъ на страхъ людямъ.

— А кто-нибудь видѣлъ эту диву? задалъ я вопросъ Ахмету, желая отъ него узнать возможно подробнѣе о повѣрiяхъ туземцевъ.

— Да, тюра, люди старики говорятъ, что пророкъ Сулейманъ на охотѣ въ горахъ встрѣтилъ однажды страшное чудовище, у котораго было 70 грудей и на каждой груди висѣлъ ребенокъ. Не испугался Хозретъ ²⁾, которому повиновались всѣ дивы, и этой. Остановился онъ передъ ней, сдѣлалъ заклятiе и тогда спросилъ: «Кто ты, проклятая? Зачѣмъ появилась ты на прекрасной землѣ Аллаха?»

Отвѣтила ему дива: «Я Умму-Сабьянъ, приносящая съ собою всюду горе и слезы и убивающая дѣтей въ утробахъ матерей, подвергающая жестокимъ мукамъ новорожденныхъ, высушивающая молоко въ грудяхъ матерей».

Не могъ слышать слухъ пророка такихъ страшныхъ злодѣяній и не хотѣли его свѣтлыя очи видѣть на землѣ это страшилище. Вынулъ онъ свой заколдованный мечъ и взмахнулъ имъ, чтобы пресѣчь нить жизни страшной дивы. Но сейчасъ же долженъ былъ остановиться, когда услышалъ ея слова:

«Не убивай меня, пророкъ, такъ какъ этимъ ты нарушишь волю Аллаха, создавшаго меня для наказанiя людей и, кромѣ того, увеличишь зло на землѣ, такъ какъ изъ каждой моей капли крови, тобою пролитой, тотчасъ же появится новая дива, мнѣ подобная. И будутъ всѣ онѣ мучать матерей, убивая младенцевъ, и можетъ тогда прекратиться весь родъ людской».

Вложилъ свой мечъ въ ножны пророкъ Божiй и сталъ просить Аллаха уменьшить силу Умму-Сабьянъ.

Любилъ Аллахъ своего Хозрета и открылъ ему заклинанiе противъ мучительницы, а Хозретъ передалъ его своимъ мюридамъ ³⁾. И теперь есть люди, которые ихъ знаютъ и помогаютъ женщинамъ при болѣзняхъ. Я тоже когда-то зналъ, но только теперь не помню

¹⁾ Дивъ — духъ.

²⁾ Хозретъ — святой.

³⁾ Мюридъ — послѣдователь-ученикъ.

всѣ имена двѣнадцати дивъ, которыхъ во имя Милосерднаго, надо назвать, чтобы они пришли защитить отъ злобы Умму-Сабьянъ.

«Хазъ, Марлусъ, Бартусъ, Магусъ, Салмукъ, Вашито, Кайсо, забормоталъ Ахметъ скороговоркою, Кайсъ, Пуюсь...» а дальше забылъ. Старъ сталъ и не помню, немного подумавъ, наконецъ, закончилъ онъ свое заклинаніе.

Долго еще потомъ, видимо, стремясь вспомнить, шепталъ онъ вполголоса эти таинственныя слова, отъ которыхъ вѣяло глубокою древностью.

· Подъемъ на перевалъ — Люли-Харви былъ порядочно труднымъ; миновавъ кишлакъ Сафидау, пришлось двигаться по узкой головоломной тропинкѣ, поднимавшейся зигзагами черезъ хребетъ и мѣстами не достигавшей аршина ширины, а потому представлявшей порядочную опасность, въ особенности, если принять во вниманіе, что почва послѣ бывшихъ дождей сильно размокла, и лошади, то и дѣло скользя, съ трудомъ карабкались по крутизнамъ.

Съ высоты подъема открывалась со всѣхъ сторонъ огромная панорама горъ.

Уходя въ небо, поднимался на сѣверѣ Гиссарскій хребетъ, казавшійся, благодаря большому разстоянію, совершенно темнымъ. Съ сѣверо-востока бѣлѣли своими снѣговыми вершинами Алайскія горы, а прямо на востокъ виднѣлся колоссальный хребетъ Петра Великаго. Рельефъ мѣстности былъ виденъ, какъ на огромной топографической картѣ. Къ югу разстилалась безконечная снѣжная равнина, съ которою сливался рядъ параллельныхъ хребтовъ, отроговъ Гиндукуша. На западѣ поднималась островерхая гора пикъ-Каудаль, со своими ледниками, и еще выше разстилалась со всѣхъ сторонъ колоссальная полярная страна, покрытая льдами и снѣгами.

На высотѣ было уже настолько холодно, что мы надѣли полушубки, бурки и бурочные сапоги. Дулъ холодный сѣверный вѣтеръ, и мелкія снѣжинки кружились въ воздухѣ, падая и покрывая шерсть бурокъ.

— Однако, мы уже попали въ полосу зимы, проворчалъ докторъ, закутывая голову башлыкомъ.

— Интересно, что и говорить, но только среди этихъ сугробовъ снѣга долго не пробудешь.

Оставя лошадей, мы осторожно стали пробираться по гребню хребта, минуя расщелины. Снѣгъ сдѣлался твердымъ и скрипѣлъ подъ ногами.

— Если, тюра, стрѣлять думаетъ, то надо приготовить ружья,

тихо указаль Ахметъ въ лѣвую сторону; повернувшись туда, я замѣтилъ довольно большое стадо архаровъ, спускавшееся съ горы на зеленѣвшую ниже полянку.

Широкіе крутые рога, высокій поставъ головы и длинная шерсть дѣлали архаровъ особенно красивыми на этомъ привольѣ, гдѣ такъ рѣдко звучать выстрѣлы охотниковъ, а потому эти еще не напуганныя людьми великолѣпныя животныя, видимо, совершенно равнодушно относились къ нашему присутствію среди горныхъ снѣговъ. Старый, съ особенно широкими огромными рогами, извивавшимися крутою спиралью, архаръ служилъ вожакомъ, а за нимъ подвигалось цѣлое стадо, внимательно всматривавшееся въ невиданнымъ ими людей въ мохнатыхъ шапкахъ и косматыхъ буркахъ. Передовой архаръ красивымъ прыжкомъ вскочилъ на верхушку горы и будто изваяніе застылъ на мѣстѣ, представляя изъ себя отличную цѣль.

Не желая упустить удобнаго момента, я осторожно прицѣлился и почти одновременно съ докторомъ, выбравшимъ себѣ цѣлью все стадо, нажалъ на спускъ. Звукъ двойного выстрѣла разомъ разбудилъ тишину горъ; эхо зарокотало по горамъ, гулко отозвавшись въ ближайшемъ ущельѣ, а затѣмъ прокатилось дальше, замирая и повторившись гдѣ-то слабымъ стукомъ.

Подпрыгнувъ на мѣстѣ, упалъ на бокъ громадный архаръ, окрасивъ свою кровью бѣлоснѣжную поверхность горы. Выстрѣлъ доктора былъ также удаченъ, и другой архаръ вытянулся невдалекѣ отъ вожака, подергивая ногами въ предсмертныхъ конвульсіяхъ. Я подбѣжалъ ближе къ трофею своей охоты. Архаръ еще былъ живъ и печально смотрѣлъ на меня своими темными ласковыми, будто говорящими глазами. И подъ впечатлѣніемъ этого взгляда въ душѣ появилась какая-то неловкость, раскаяніе въ этомъ выстрѣлѣ, лишившемъ жизни вольнаго жителя снѣговыхъ горъ. Постепенно въ глазахъ архара стала исчезать искорка жизни: они стеклянѣли и черезъ минуту уже въ нихъ видна была смерть, смежившая своею неподвижностью ту мысль инстинкта, которую можно было читать въ выразительныхъ глазахъ животного.

— Рѣдкій экземпляръ, сказалъ докторъ, поднимая голову за рога.

— Пожалуй въ рогахъ однихъ пуда полтора будетъ, да мяса пудовъ 4—5 наберется. Что повкуснѣе заморозимъ и возьмемъ съ собою вмѣстѣ съ рогами и шкурами, а остальное мясо придется отдать таджикамъ. Кстати они не особенно часто имѣютъ его на обѣдъ.

Ахметъ съ двумя таджиками, закинувъ за рога веревки, медленно потащили архаровъ внизъ къ тому мѣсту, гдѣ были оставлены наши лошади. Мы же съ докторомъ еще долго бродили, осматривая ледникъ, къ концѣ котораго внизъ съ шумомъ вырывается изъ-подъ снѣжной поверхности большая рѣка, образующаяся изъ тающихъ снѣжинокъ, заполняющихъ собою колоссальную впадину между горами.

Постепенно спускаясь внизъ, мы взяли направление на ущелье, по которому протекала рѣка, закрытая крѣпкимъ покровомъ льдовъ, образовавшихъ надъ нею колоссальной толщины сводъ.

Съ обѣихъ сторонъ начали открываться скаты горныхъ склоновъ, обнаженные отъ снѣга, съ которыхъ вмѣстѣ съ водою сносило массы глины широкими потоками грязи, покрывавшими ледяной мостъ. Въ одномъ мѣстѣ ледяной сводъ обрушился и, обходя это чернѣвшее отверстіе, мы осторожно подошли къ его краю. Внизу, на глубинѣ нѣсколькихъ саженъ, неслась огромная масса грязноватаго цвѣта воды, образующая довольно широкую клокочащую рѣку, на поверхности которой мимо проносились клочья грязной пѣны, куски льда и цѣлые пласты снѣга, сѣровато-бураго цвѣта. Широкую поверхность снѣжнаго моста ограничивали склоны ущелья, круто спускавшіеся съ обѣихъ сторонъ. Красноватый цвѣтъ почвы съ примѣсю окисей желѣза смѣнился бѣлыми стѣнами известняковъ.

Спускъ по снѣгу былъ очень труденъ, благодаря неровностямъ поверхности.

Дойдя до одного изъ боковыхъ ущелій, мы съ трудомъ поднялись наверхъ и направились по твердому материковому грунту къ небольшой площадкѣ, лежавшей ниже насъ еще на 2, 3 тысячи футовъ, гдѣ виднѣлось нѣсколько сакль, около которыхъ стояли наши лошади.

Дымъ костра поднимался кверху, освѣщая группу нашихъ проводниковъ, кружкомъ присѣвшихъ близъ огня. Въ сторонѣ, недалеко отъ поставленной палатки, Ахметъ при помощи длинныхъ желѣзныхъ шампуровъ уже жарилъ на угольяхъ свѣжее мясо архара, нанизавъ на нихъ сочные жирные куски. Запахъ жаренаго мяса далеко разносился по воздуху, дразня аппетитъ и вызывая невольное желаніе скорѣе добраться до мѣста ночлега. Но, то опускаясь въ ущелье, то снова поднимаясь по тропкѣ на переваль, мы лишь часа черезъ два спустились внизъ къ становищу, расположившемуся въ довольно широкой горной долинѣ.

Какъ голодные волки, мы набросились на шашлыкъ, съѣвъ по

крайней мѣрѣ по нѣскольکو фунтовъ мяса каждый, а затѣмъ, совершенно сытые, утоливъ жажду горячимъ чаемъ, влѣзли въ походные мѣшки-постели и, закрывшись еще сверху бурками, съ наслажденіемъ вытянулись, давая отдыхъ всему тѣлу, утомленному тяжелымъ подъемомъ и спускомъ.

Проводники таджики вмѣстѣ съ Ахметомъ долго еще жарили шашлыки, уничтожая горы мяса.

— Неправда ли эта картина невольно напоминаетъ пиршества дикихъ? указалъ я внимательно всматривавшемуся въ группу туземцевъ доктору.

— Да, пожалуй. Надо помнить, что имъ рѣдко когда удается такъ лакомиться мясомъ до пресыщенія.

— Это вѣрно, тюра, отвѣтилъ Ахметъ. Здѣсь жители мясо ѣдятъ рѣдко. Больше лепешками изъ тутовой муки питаются. Только не всѣ—вонъ Ходжи съ черною бородою, онъ къ мясу привыкъ, потому что онъ не здѣшній, а пришелъ сюда изъ Кашгара.

— Изъ Кашгара? Это интересно! Надо съ нимъ поговорить.

— Послушай, ошна ⁴⁾, какъ ты попалъ сюда? обратился я къ заинтересовавшему меня туземцу.

Чернобородый, по типу узбекъ, вскинулъ на меня глазами и, видимо опасаясь чего-то, осторожно отвѣтилъ:

— Я, тюра, дѣло здѣсь къ одному человѣку въ Гармѣ имѣю; узнавъ же въ Гармѣ, что нужны люди для работы, захотѣлъ заработать себѣ на дорогу обратно въ свой счастливый Кашгаръ.

— Почему же ты его называешь счастливымъ?

— Это, тюра, оттого, что надъ Кашгаромъ всегда почиетъ благословеніе Аллаха, съ тѣхъ поръ какъ одинъ святой ишанъ его послалъ кашгарскимъ людямъ. Много лѣтъ тому назадъ въ горахъ за Яркендомъ жилъ святой ишанъ, къ которому сходились люди, чтобы послушать его поученія и взять его руку и записаться въ его мюриды (ученики). Все хорошіе къ нему приходили люди и стали ишанъ думать, что и вездѣ люди такіе же. Даже не вѣрилъ онъ своимъ мюридамъ, когда тѣ рассказывали, что въ странѣ больше людей злыхъ и дурныхъ, чѣмъ хорошихъ и благочестивыхъ.

Рѣшилъ ишанъ самъ посмотреть, какъ стали жить люди съ тѣхъ поръ, какъ онъ самъ ушелъ въ дикія горы, гдѣ, выбравъ пещеру, прожилъ въ ней нѣскольکو десятковъ лѣтъ, имѣя только одного пѣтуха, сообщавшаго ему своимъ крикомъ о часахъ намаза.

Сѣлъ ишанъ на ишака, взялъ съ собою своего пѣтуха и мѣд-

4) Ошна—другъ.

ную пайсу ⁵⁾, доставленную ему какимъ-то мюридомъ и направился черезъ пустыню къ большому городу, зеленѣвшему своими чинарами и полями, стѣны котораго видны были съ горъ. Жгло его солнце, томила жажда и мучилъ голодь. И едва живой доѣхалъ онъ до городскихъ воротъ, гдѣ стоялъ бекскій караулъ.

Подошелъ къ нему сарбазъ ⁶⁾, спросилъ, какой человѣкъ, и, узнавъ, что ишанъ, разсердился и ушелъ обратно къ своему дѣлу — мѣнять крупныя деньги на мелкія. Не любили тамъ бекскіе люди ишановъ и муши, потому что нѣтъ отъ нихъ никакого беку дохода.

Подождалъ ишанъ немного, видить — идетъ прохожій человѣкъ. Обратился онъ къ нему и говорить: «Бай ⁷⁾, я умираю отъ голода и жажды, а мое старое тѣло такъ ослабѣло, что я не въ силахъ больше ѣхать. Во имя Милосерднаго, Милостиваго, возьмите вотъ эту мѣдную пайсу и купите что-нибудь на базарѣ, чтобы накормить меня и моихъ ишака и пѣтуха, заслужившихъ также пищу своею работою.

Разсмѣялся богатый бай, привыкшій считать деньги золотыми тиллями и мѣшками тенеги.

— Вижу, что ты не только очень старъ, но и очень глупъ. Нельзя накормить за одну пайсу трехъ животныхъ, питающихся различною пищею. Съ глупыми же людьми я не люблю напрасно терять время. Прощай!

Опечалился ишанъ. Рѣшилъ ѣхать дальше къ слѣдующему городу, который былъ, къ счастью, Кашгаръ, моя родина.

Остановился онъ около воротъ и, какъ и раньше, обратился съ просьбой къ первому прохожему, оказавшемуся женщиной.

— Накормите, добрая ханумъ, за одну пайсу меня, моихъ ишака и пѣтуха.

Посмотрѣла ханумъ на старика, жаль ей стало его старость.

Взяла она пайсу и быстро пошла на базаръ, гдѣ выбрала нѣсколько спѣлыхъ большихъ дынь, стоимвшихъ одну пайсу, и принесла ихъ въ мѣшкѣ къ святому ишану.

— Вотъ вамъ, ата (отецъ), пища... Мясо дынь скушайте сами и будете сыты. Корки отдайте ишаку и онъ будетъ доволенъ этимъ кормомъ, а сѣменами накормите пѣтуха. И всѣ вы будете сыты и довольны!

Удивился святой ишанъ этой мудрости, благословилъ онъ женщину, все ея будущее потомство и общалъ, что городъ, накорм-

⁵⁾ Пайса — 1 копейка.

⁶⁾ Солдать.

⁷⁾ Бай — купецъ.

мившій его, будетъ всегда счастливымъ, а ея потомки мудры, сыты и довольны.

И сбылось все по предсказанію ишана, а потому нѣтъ въ Кашгарѣ ни голодныхъ, ни недовольныхъ.

— А какъ же ты, другъ? Если бы ты былъ также доволенъ своими, то не поѣхалъ бы въ такое далекое путешествіе?

— Но, тюра, я дѣло другое. Я не принадлежу, какъ надо полагать, къ потомству той мудрой ханумъ, получившей благословеніе ишана.

Подъ тихіе разговоры Ахмета съ таджиками мы скоро заснули, но сонъ былъ тревоженъ. Мнѣ всю ночь снились пропасти, безконечные балконы надъ ними, темныя расщелины и головокружительные спуски. Обильная мясная пища, вмѣстѣ съ впечатлѣніями страшныхъ высотъ, служила причиною безконечнаго кошмара, продолжавшагося всю ночь почти до разсвѣта.

Г л а в а III.

Рѣка Хингоу.—Свадьба у горныхъ таджиковъ.

Спустившись по теченію рѣки Люли-Харви мимо кишлака Лойрана до рѣки Хингоу, мы направились по правому берегу этой бурной многоводной рѣки, вверхъ по ея теченію.

То поднимаясь по тропинкѣ на переваль, то спускаясь въ глубокія ущелья, мы переправились черезъ рѣку Гардани-Кафтаръ, впадающую въ Хингоу, и сильно утомленные тяжелой дорогой добрались, мимо небольшихъ кишлаковъ Али-Сурханъ и Нисонъ, до кишлака Лянгара, въ которомъ рѣшили дать себѣ отдыхъ, устроивъ дневку.

Рѣка Хингоу, впадающая въ Сурхабъ и принимающая въ себя воды рѣкъ Люли-Харви, Гардани-Кафтаръ, Арзынгъ и Сатыргъ, несетъ свои воды съ ледника Федченко, и вся ея долина густо заселена въ особенности въ низовьяхъ, гдѣ имѣется масса таджикскихъ кишлаковъ.

Окруженный засѣянными полями, кишлакъ Лянгаръ производитъ особенно пріятное впечатлѣніе своею растительностью. Громадныя орѣховыя деревья красивыми группами раскинулись по всему кишлаку, вперемежку съ развѣсистыми яблонями и грушами.

Устроившись въ саклѣ мѣстнаго шаха ⁸⁾, мы весь день провели, отдыхая и слушая рассказы стариковъ.

Монотонные переборы домры и пѣніе пѣвцомъ таджикомъ своихъ пѣсенъ внесли новизну впечатлѣній.

⁸⁾ Шахъ—начальникъ волости.

Прямо передъ нами на другомъ берегу Хингоу лежала, по словамъ шаха, пещера, въ которой жилъ прежде святой человѣкъ, а потому мѣсто это особенно часто посѣщается для совершенія молитвъ, въ особенности женщинами. Но имя святого за давностью времени было, очевидно, забыто и рѣшительно никто не могъ его назвать, опредѣляя лишь названіемъ Хозрета.

Постепенно привыкнувъ къ виду пріѣзжихъ, изъ сосѣднихъ саклей, пугливо прячась за дувалы, выглядывали нѣсколько женщинъ, преимущественно молодыхъ. Красивый овалъ лицъ и большіе темные выразительные глаза дѣлали нѣкоторыхъ очень привлекательными. Смѣясь и показывая бѣлые зубы, онѣ тотчасъ же прятались за дувалы, какъ только кто-либо изъ насъ начиналъ смотрѣть въ ихъ сторону, но потомъ любопытство, видимо, взяло верхъ надъ застѣнчивостью и постепенно цѣлая группа женскихъ фигуръ усѣлась невдалекѣ отъ нашей сакли, слѣдя за каждымъ нашимъ движеніемъ и дѣлая своими впечатлѣніями.

Къ вечеру стало замѣтно прибытіе чужихъ различнаго возраста горцевъ—мужчинъ и женщинъ. Сидя противъ двери, мы видѣли, какъ по крутой тропинкѣ на противоположномъ берегу Хингоу то съѣзжали одиночные люди на ишакахъ или же сходили пѣшкомъ, то показывались цѣлыя вереницы слѣдовавшихъ одинъ за другимъ. Женщины съ дѣтьми, старики, молодыя дѣвушки и подростки постепенно прибывали, окружая сосѣднюю съ нами саклю и располагаясь на дворѣ на разостланныхъ циновкахъ и прямо на землѣ.

— Что это такое? Почему такъ народъ собирается? спросилъ я сѣдобородаго, съ огромными косматыми бровями, шаха, несмотря на свое добродушіе, крайне хмуро посматривавшаго своими ястребиными глазами, отсвѣчивавшими стальнымъ блескомъ.

— Это, тюра, сегодня будетъ Шау-Той, ночной пиръ, по случаю свадьбы. Вотъ этотъ юноша, указалъ онъ на молодого таджика, мой племянникъ. Онъ женится на дочери стараго шаха изъ Арзынга. Видишь, вонъ та дѣвочка, у которой глаза блестятъ, какъ будто въ нихъ отражаются лучи блѣдной луны. Молода, а потому весь міръ кажется ей еще такимъ прекраснымъ. Будетъ старше, потускнѣютъ глаза и въ нихъ, вмѣсто радости, будетъ отсвѣчивать людская печаль. Теперь старый шахъ живетъ рядомъ со мною, мы вѣдь съ нимъ и въ родствѣ, и сосѣди, и друзья. Я вѣдь тоже Ша по происхожденію. Насъ, людей благородныхъ, уже теперь не такъ-то много въ здѣшней странѣ. Мы, тюра, ведемъ

свое происхожденіе, нѣкоторые отъ Сакиндера-Руми ⁹⁾, а другіе отъ его военачальниковъ, бывшихъ мирами въ Бадакшанѣ, Ваханѣ, Рушанѣ, Дарвазѣ, Шугнанѣ, Читралѣ и Ясинѣ. Многіе роды уже давно вымерли, многіе не знаютъ даже своихъ кровныхъ, по въ моемъ родѣ есть записъ, въ которой все написано.

За разговорами совершенно незамѣтно настала ночь и покрыла своимъ темнымъ покровомъ всѣ окрестности. Звѣзды одна за другою высыпали на небѣ. Было тихо и сравнительно тепло. Надъ рѣкою поднялся туманъ и поползъ по равнинѣ, закрывая непроницаемую завѣсою всю долину рѣки. Кишлакъ, стоявшій на высокомъ мѣстѣ, былъ выше тумана, а потому никакой сырости не ощущалось.

Несмотря на значительное количество людей, собравшихся на свадьбу, было почти тихо. Разговоры велись вполголоса и лишь изрѣдка взрывъ молодого смѣха нарушалъ тишину и разносился по окрестностямъ. Привыкшія за день къ нашему виду женщины и дѣтвора перестали прятаться и тѣсною группою столпились на дворѣ за оградю.

На широкой площадкѣ противъ сакли зажгли нѣсколько плешекъ съ льнянымъ масломъ и воткнули съ десятокъ сильно копѣвшихъ факеловъ, сдѣланныхъ изъ разныхъ тряпокъ, намоченныхъ въ томъ же маслѣ. Расположившись на большихъ камняхъ, лежавшихъ около дома, а также и прямо на землѣ, всѣ женщины, мужчины и дѣти представляли собою крайне живописную группу. Сѣдобородые старики занимали ближайшія мѣста, посматривая на молодежь, которая уже смѣло, въ свою очередь, занялась наблюдениями за нами, дѣлясь откровенно своими замѣчаніями. Нѣсколько красивыхъ головокъ дѣвушекъ, съ правильными, будто точеными чертами лица и большими темными глазами, могли по справедливости вызвать восхищеніе художника своею безукоризненною правильностью. Женихъ, молодой таджикъ съ выразительнымъ лицомъ, занялъ почетное мѣсто на возвышеніи, а около него съ обѣихъ сторонъ помѣстились двое юношей-сверстниковъ.

— Теперь, по обычаю нашего народа, возведемъ Али въ званіе Ша и пусть онъ будетъ достоинъ этого, а всѣ люди на сегодня должны почитать его, какъ это надлежитъ по закону, торжественно провозгласилъ старый шахъ.

— У насъ, тюра, добавилъ онъ, обращаясь затѣмъ къ намъ, каждый женихъ въ ночь Шау-Той считается Ша (князь), хотя бы онъ и не принадлежалъ къ знатному роду, а потому всѣ припи-

⁹⁾ Александръ Македонскій.

мающіе участіе въ его радости должны не только относиться къ нему, какъ къ своему Ша (князю), но и исполнять всѣ его желанія и приказанія. А тѣ двое юношей, что сѣли рядомъ съ нимъ, это дружки. По обычаю, женихъ съ людьми говорить самъ не можетъ, а передаетъ все своимъ дружкамъ, а тѣ, въ свою очередь, сообщаютъ всѣмъ прибывшимъ и раздѣляютъ его радость.

Группа женщинъ присѣла подъ навѣсомъ невдалекѣ и въ самой ея серединѣ виднѣлось красивое личико невѣсты. Гулко зарокоталъ, загрохоталъ бубенъ и звуки его понеслись, отзываясь въ ближайшемъ ущельѣ. Густой, низкій звукъ, соединяясь со звономъ мѣдныхъ бубенчиковъ, красиво разсыпался, будя окрестности. Довольно высокій женскій голосъ вполголоса затянулъ какую-то протяжную пѣсню. Нѣсколько голосовъ въ унисонъ присоединились къ первому, слетаясь съ нимъ и смѣшиваясь со звуками бубна. Глухимъ речитативомъ какой-то безнадежный плачь послышался изъ женской группы. Еще черезъ минуту зарокотали струны домры и, будто жалуясь и охая, присоединились къ хору, отозвавшись на сердитое ворчаніе бубна. Съ безконечно длиннымъ грифомъ и круглымъ изъ тыквы корпусомъ взвизгнула туземная скрипка (рабобъ) и, спѣша догнать мелодію, полились новые протяжно-высокіе звуки.

— Что они поютъ, навѣрно, знаетъ шахъ? обратился я къ старику, присѣвшему невдалекѣ отъ насъ.

— Они поютъ, тюра, что нѣтъ на свѣтѣ лучше мѣста, какъ наши снѣговья горы, вершины которыхъ ласкаютъ лучи солнца. Нѣтъ лучше времени, какъ молодость. Нѣтъ красивѣе дѣвушки, чѣмъ невѣста. Нѣтъ лучше юноши— молодого Ша.

Топотъ лошадей остановилъ пѣсню на полутемпѣ, и всѣ головы повернулись въ сторону дороги, откуда изъ темноты показалась конная группа изъ нѣсколькихъ человѣкъ. Старикъ съ длинною, какъ у патріарха, бородою, остановившись, слѣзъ съ лошади и направился къ хозяину.

Нашъ шахъ медленно всталъ и пошелъ ему навстрѣчу, вполголоса сказавъ: «Старикъ шахъ изъ Пашимгара — тоже мой кровный»...

Оба старика степенно сошлись вмѣстѣ и, протянувъ правыя руки, одинъ у другого поцѣловали ихъ въ знакъ привѣта и глубокаго почтенія.

Эта встрѣча была такъ красиво-трогательна, что невольно вызвала наше восхищеніе изумительнымъ достоинствомъ, съ которымъ держали себя эти два патріарха горъ, могущіе, по изыскан-

ности своихъ манеръ, быть поставленными на ряду съ представителями европейской аристократіи.

Окинувъ взглядомъ присутствовавшихъ, старый шахъ направился въ нашу сторону и съ большимъ достоинствомъ поздравилъ насъ съ благополучнымъ пріѣздомъ, желая счастья въ дальнѣйшей дорогѣ. Поднявъ высоко руки надъ толпою, старикъ произнесъ благословеніе всѣмъ собравшимся, а затѣмъ подошелъ къ молодому шаху, съ которымъ поцѣловался также, какъ равный съ равнымъ, рука въ руку, несмотря на видимо стѣсняшагося жениха. Всѣ же остальные присутствовавшіе мужчины и женщины, подходя по очереди, говорили привѣтствіе и цѣловали руку у старика, отвѣчавшаго нѣкоторымъ поцѣлуемъ въ щеку, а болѣе молодымъ лишь клавшаго на голову руку, какъ будто давая благословеніе.

Снова слышались звуки бубна, скрипки и домры и одна за другою понеслись пѣсни.

Между тѣмъ въ группѣ молодежи начались какіе-то переговоры, а затѣмъ одинъ изъ юношей подошелъ къ жениху, поднеся ему толстый жгутъ, свитый изъ золотистой пшеничной соломы.

— Нашъ Ша (князь) пусть управляетъ и властвуетъ надъ своимъ покорнымъ народомъ, заговорилъ онъ почтительно, но чтобы знатный Ша не утруждалъ себя этою тяжелою обязанностью, пусть выберетъ себѣ вѣрнаго помощника-есаула.

Послѣ минутнаго размысленія, Ша что-то шопотомъ сказалъ одному изъ сидящихъ съ нимъ дружекъ, и тотъ, поднявшись, заговорилъ:

— Знатный Ша назначаетъ своимъ эсауломъ Асиля. Да повинуются ему, какъ самому Ша.

Высокій, молодой таджикъ всталъ со своего мѣста и, подойдя ближе, отвѣсилъ глубокій поклонъ жениху, а затѣмъ, взявъ жгутъ — знакъ власти въ руки и прочтя вполголоса короткую молитву, сѣлъ позади жениха.

— Это, тюра, дѣлается потому, что всю ночь праздника Ша можетъ все приказывать, и всѣ должны его слушаться, а кто не исполнитъ какого-либо приказанія, того эсауль будетъ наказывать. Сколько Ша назначитъ ударовъ, столько и дастъ. Такъ и въ настоящей нашей жизни настоящій выборный шахъ можетъ наказывать каждого, и всѣ его должны слушаться.

Потрясая бубномъ, выступила на середину кружка молодая дѣвушка съ густыми черными волосами, заплетенными въ десять мелкихъ косъ и, плавно раскачиваясь и кружась намѣстѣ, начала

какой-то не лишенный граціи танецъ. Домра и скрипка ускорили темпъ, а пѣсня перешла въ быстрый речитативъ. Черезъ минуту уже другая дѣвушка была въ кругѣ. И обѣ плясуньи, то приближаясь, то удаляясь другъ отъ друга и кружась, мелко сѣмели ногами и плавно раскачивались корпусомъ.

Блюда съ горами пилава, приготовленнаго съ льнянымъ масломъ, принесли откуда-то съ задняго двора, и всѣ присѣли тѣснымъ кучками около нихъ, утоляя голодъ и запивая изъ глиняныхъ чашекъ какой-то мутноватый, сладкій напитокъ, приготовленный изъ тутовыхъ ягодъ.

— Долго продолжается обыкновенно такое веселье? спросилъ я старика, который, присѣвъ около насъ на кошмѣ, съ особымъ удовольствіемъ пилъ русскій чай съ сахаромъ, закусывая его галетами.

— Всю ночь, тюра, до самаго утра будутъ пѣть пѣсни, танцовать и веселиться. Завтра же пріѣдетъ Ша-джахръ, особый другъ Ша (князя), который долженъ пригласить жениха отъ имени невесты. Тюра это завтра увидитъ утромъ, а теперь уже позднее время. Можетъ быть, тюра, захочетъ отдохнуть, а мы будемъ мѣшать ему своимъ шумомъ?

Успокоивъ старика, что можно отлично спать при всякомъ шумѣ, мы отправились въ свою палатку, откуда долго слышали звуки бубна, домры и протяжныя взвизгиванія туземной скрипки.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Д. Логофетъ.

